

"МУСУЛЬМАНИНА" БЛАГОСЛОВИЛ ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК

ВЗГЛЯД

Весной прошлого года на экраны вышел необычный фильм. Необычный – хотя уже, кажется, не осталось сюжетов, способных удивить зрителя.

Режиссер Владимир Хотиненко снял картину о войне "афганцев" Коле Иванове, пробывшем семь лет в плену у моджахедов, принявшем там ислам и вернувшимся в родную деревню. Впрочем, фильм этот не о русском мусульманине – он о нашей с вами жизни, о том, какие мы, ради чего живем на свете, что значит для нас вера и есть ли она в нас.

Сценарий, написанный Валерием ЗАЛОТУХОЙ, награжден премией "Ника" Российской академии киноискусства.

И этот успех был, наверное, предопределен, ибо отечественный художественный кинематограф, пожалуй, впервые за последние годы так серьезно заговорил о войне и государстве, вере и безверии, власти денег и торжестве духа.

– Помню, как года три назад ребята возвращались из Афганистана. Тогда звучало в "Новостях": "...вернулся еще один воин-интернационалист, освободившийся из плена", – вспоминает Валерий Залотуха. – Я слушал эти слова и всегда думал об одном: а как он будет жить, этот парень? Какой окажется его дальнейшая судьба?

– Вы хотите сказать, что прототипа у вашего героя нет?

– Совершенно верно.

– Но чтобы написать такую историю, надо, наверное, как минимум иметь друзей "афганцев", быть в курсе того, что там, в Афганистане, на самом деле происходило и что происходит в душах тех, кто вернулся с войны?

– Честно говоря, у меня не было никакой другой информации об афганских событиях, кроме той, что поступала из телерепортажей и газетных статей.

– На мой взгляд, "Мусульманин" – это фильм прежде всего о вере. Вы сами верующий человек?

– Да, я православный христианин, и сценарий к картине написан с благословения моего духовного отца. Ему, кстати, довелось жить в Алжире. Батюшка преподавал там высшую математику и успел неплохо изучить исламский мир.

– Думаю, это признание будет открытием для тех, кто воспринимает "Мусульманина" как откровенную пропаганду ислама – а таковых, увы, немало. Что ж, зрителей можно понять: вернулся из плена русский солдат. Но он уже не Николай Иванов – настоящий Абдолла. Парень перебирает четки, постоянно молится Аллаху. Получается, будто он, истинно верующий, – живой упрек испитой и погрязшей во грехе деревенской публике православного вероисповедания.

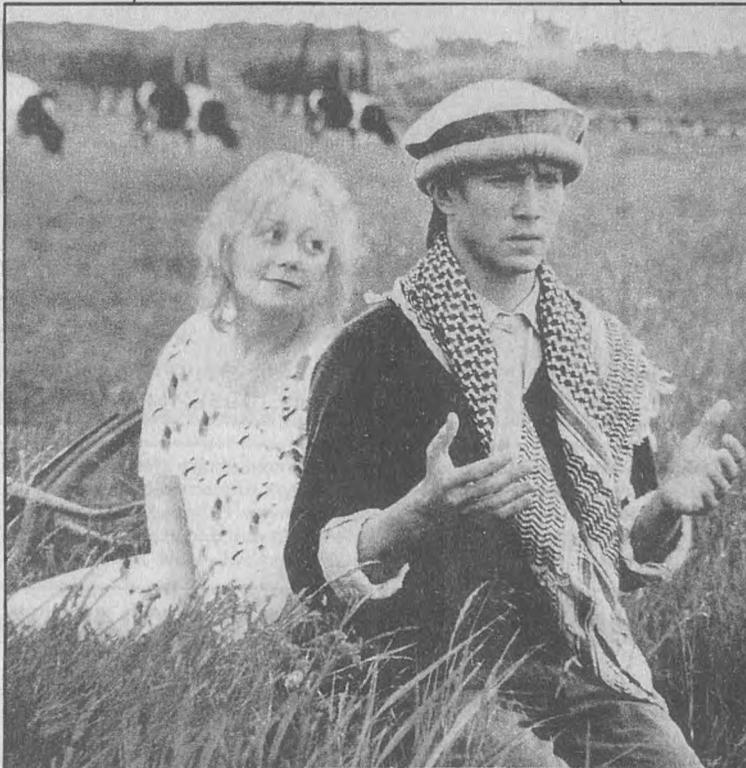
И все же не о борьбе конфессий идет речь. Наоборот, подчеркивается общность людей, исповедующих разные религии. И конфликт у Коли возникает не со священником, а с родным братом Федором. Мне кажется, фильм этот о вере и безверии – ибо истинно верующие люди всегда смо-

гут мирно сосуществовать.

– Конечно. Более того, Владимир Хотиненко мне рассказывал, как в Казани после выступления к нему подходили зрители и говорили, что очень много ребят, посмотрев "Мусульманина", приняли ислам. Значит, татарская молодежь через эту картину приходит к Богу. С другой стороны, мне известно, что некоторым людям наш фильм помог прийти к православию. Для меня это очень много значит.

– Как ваш сценарий нашел "своего" режиссера?

– Режиссер "нашелся" еще до того, как родился сценарий. Дело в том, что сначала я рассказал о своей идее Володе Хотиненко. Она пришла ему по душе. И пока я работал над сценарием, уже готовились съемки.

– Вы довольны тем, как снят фильм?

– Да, безусловно, хотя не секрет, что между режиссером и сценаристом всегда существуют некоторые разногласия.

– С тех пор, как сценарий увидел свет, прошло два с половиной года. Была Чечня – Россия вновь воевала с мусульманами. Изменилось ли что-то в нашем мировоззрении за это время?

– Внешне, пожалуй, нет. Но, по моему, некий внутренний процесс все-таки идет. На ошибках учатся. Может быть, и Чечня нас чему-то научит. Коль речь зашла о солдатах, думаю, если бы ребята надевали перед боем чистое белье, как это было в первую мировую войну, и уходили в сражение с молитвой, то, кто знает, может, итог этой войны был бы иным.

Вы спрашиваете, изменилось ли что-нибудь в нашем мировоззрении? Да, постепенно меняется. Я, будучи на рождественской службе в одном из московских храмов, с радостью для себя отметил, как много молодежи пришло на всенощную. Средний возраст прихожан – примерно лет двадцать. Еще года два назад такое трудно было представить.

– Да, но наряду с этим в крупных городах су-

ществует серьезная проблема: молодежь уходит в секты. Как вы думаете, стоит ли направлять отступивших от истинной русской православной веры на "путь истинный"? И есть ли здесь вообще конфликт? Допустим, человек посвящает себя Кришне. Наверное, важнее всего, чтобы в личности раскрылось лучшее начало, чтобы он нес добро, а уж кому поклоняться – дело второе.

– Действительно, сегодня секты – одна из серьезных проблем. Но, по моим наблюдениям, многие, начиная с Блаватской или Кришны, увлекаясь всевозможными оккультными теориями, все-таки приходят в православную церковь. Так что порой секты становятся в некотором роде подготовкой к принятию христианского вероисповедания. Вот и монахи Оптиной Пустыни, где я недавно был, спросили: не от оккультизма ли я пришел к православию?..

– Ваш герой попадает на войну, будучи далеким от христианской веры. Ислам стал для Николая настоящим открытием, сформировал его духовно. Не связано ли это прежде всего с тем, что православная вера на Руси находится в упадке?

– Да, наверное, истинно верующих православных христиан не так много. В большинстве своем люди думают так: "Ну да, есть какая-то высшая сила, но по этой причине ходить постоянно в храм, выполнять христианские обряды, молиться совсем не обязательно". Уверен, даже в том случае, если человек не считает себя верующим, пусть он ходит в храм, пытается отстоять всю службу, пусть чаще молится. Не беда, если это сочтут за обыкновенную дань моде. Хоть так – но в храм. Ведь когда мы вернем образ жизни православный, то, возможно, тогда и вера вернется. Конечно, возратить тот патриархальный дух, которым была пронизана Россия еще в прошлом веке, уже, наверное, нельзя. Но остались обряды и молитвы. Как причащались люди в прошлые века, так и сейчас причащаются, на каком языке велись службы, на том и сегодня ведутся.

– Борьбу веры и безверия в фильме венчает весьма мрачный конец – Николай погибает, оставаясь преданным исламу. Сегодня, по прошествии нескольких лет, вы не хотели бы изменить столь безысходную развязку?

– Нет, ни в коем случае. И не потому, что я такой кровожадный, просто в данной ситуации герой обречен. Это закономерно, ибо человек в таком состоянии духа, как у Николая, в теперешнем российском безвременье не может найти иной судьбы. Даже если бы он вернулся на родину не мусульманином, а истинно верующим христианином, увы, финал был бы тем же.

Киносценарист Валерий Залотуха, рассказывая о своей работе над "Мусульманином", заметил: "Фильм возникает из чувств. И если работа удачна, рожденные в одной душе эти чувства и мысли поселяются в душах десятков, а возможно, и тысяч людей".

С "Мусульманином" так и получилось.
Беседу вела Анна МАКСИМОВА.

Моск. правда. - 1997 - 16 мая. - с. 45